

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК:902.2Миллер

А.А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии

ВАДИМ АНДРЕЕВИЧ АЛЁКШИН

Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург
Кандидат исторических наук, заведующий Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа
e-mail: valyokshin1@yandex.ru

Статья посвящена выдающемуся исследователю традиционных и древних культур Кавказа и юга России Александру Александровичу Миллеру (1875–1935), многолетнему сотруднику Этнографического отдела Русского музея (1908–1933) и Российской/Государственной Академии истории материальной культуры (1919–1933). А.А. Миллер известен своими дореволюционными раскопками средневековых курганов под Таганрогом (1902–1906), а также изучением памятников железного века в низовьях Дона (1908–1914) – Елизаветовского городища и прилегающего к нему курганного могильника. Главный результат археологических изысканий, проведенных А.А. Миллером до 1917 г., заключался в освоении им методики раскопок различных типов древних памятников. В 1923 г. он возглавил Северокавказскую экспедицию РАИК/ГАИМК, которой руководил до 1933 г. Итогом работ А.А. Миллера этого периода явилось установление культурной и хронологической периодизации древностей южнорусских степей и Северного Кавказа от эпохи энеолита до средневековья. Эти исследования стали важнейшим рубежом в археологическом изучении Кавказа. Часть материалов Северокавказской экспедиции была опубликована в 1941 г. учениками археолога уже после его смерти (1935) в Казахстане, куда он был выслан по приговору суда (1934). В 1956 г. А.А. Миллер был посмертно реабилитирован. По праву первопроходца он занимает высокое место в отечественной гуманитарной науке.

Ключевые слова: этнография, археология, древние культуры, курган, методика раскопок, могильник, погребение, поселение, Северный Кавказ, Северокавказская экспедиция, РАИМК/ГАИМК, Этнографический отдел Русского музея.

UDC:902.2Миллер

A.A. Miller and His Contribution to the Development of Russian Archaeology

VADIM A. ALYOKSHIN, Ph.D. (History)

Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
Head of Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus
e-mail: valyokshin1@yandex.ru

The article is dedicated to the famous researcher of traditional and ancient cultures of the Caucasus and the south of Russia, Alexander Alexandrovich Miller (1875–1935), a longstanding member of the Ethnographic Department of the Russian Museum (1908–1933) and the Russian/State Academy of History of Material Culture (1919–1933). A.A. Miller is known for his pre-revolutionary excavations of medieval burial mounds near Taganrog (1902–1906), and the study of Iron Age monuments in the reaches of the lower Don (1908–1914) – of the Yelizavetovskoye hillfort and the adjacent burial mound. The main result of the archaeological research conducted by A.A. Miller before 1917 consisted in his mastering of the techniques of excavation of different types of ancient monuments. In 1923 he became head of the North Caucasian expedition of the Russian/State Academy of Material Culture, which he ran until 1933. The works by A.A. Miller of this period resulted in the identification of the cultural and chronological periodization of antiquities of the southern Russian steppes and the North Caucasus from the Eneolithic to the Middle Ages. These studies became a major milestone in the archaeological study of the Caucasus. Part of the materials of the North Caucasus expedition was published in 1941 by the students of the archaeologist after his death (1935) in Kazakhstan, where he had been sentenced to exile (1934). In 1956 A.A. Miller was posthumously rehabilitated. Decades after his untimely death, it can be said that his pioneering work has assured him a high position in the Russian humanitarian science.

Keywords: ethnography, archaeology, ancient cultures, kurgan, methods of excavation, burial site, burial, settlement, North Caucasus, North Caucasian expedition, Russian Academy of Material Culture, State Academy of Material Culture, Ethnography Department of the Russian Museum.

Научная карьера Александра Александровича Миллера (1875–1935), известного русского археолога, этнографа и музееведа (рис. 1), началась в 1906 г., когда ему было уже более тридцати лет. К этому времени он окончил кадетский корпус в Новочеркасске (1886–1893), Николаевское военное инженерное училище в Санкт-Петербурге (1893–1896), пять лет и семь месяцев (1896–1901, 1905–1906) прослужил в 4-м железнодорожном батальоне, дислоцированном в местечке Барановичи Новогрудского уезда Минской губернии (ныне административный центр Барановичского района Брестской области Республики Беларусь) и окончил Высшую школу антропологии в Париже (1901–1904) по отделению «доисторическая археология», благодаря чему получил археологическое и этнографическое образование¹. В Париже он также посещал лекции в Русской высшей школе общественных наук, но прекратил обучение в ней в 1903 г., не завершив полностью курса по специальности «древний мир»².

Говоря о перипетиях жизни ученого, следует отметить, что, имея всего 18 лет от роду, он избрал военную службу под влиянием своей семьи, принадлежавшей старинному донскому казачьему роду, традиции которого требовали, чтобы мужчина проявлял себя исключительно на военном поприще. Однако в глубине души А.А. Миллер стремился к иной сфере деятельности. В нем пробудился интерес к древностям южных и юго-западных губерний России, к быту и обычаям населяющих их народов, юноша также увлекался живописью. Отдав дань семейным традициям, молодой офицер, со временем, почувствовал в себе силы порвать с ними и посвятить себя науке. Дослужившись до чина поручика, он оставил службу в мае 1901 г. и отправился в Париж, чтобы получить «специальное образование»³.

На родине ученого археологии и этнографии обучали только в университетах, но в России в соответствии с университетским уставом 1884 г. право поступления в эти учебные заведения предоставлялось лишь лицам, окончившим гимназию или приравненное к ней образовательное учреждение⁴. А.А. Миллер получил среднее образование в одном из кадетских корпусов, целью которых было «доставлять малолетним, предназначенным к военной службе в офицерском звании и преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и соответствующее их предназначению воспитание»⁵, что исключало возможность приравнивания кадетского корпуса к гимназии. Инженерное училище, полный курс которого окончил А.А. Миллер, также не имело гимнази-

Рис. 1. А.А. Миллер. Начало 1930-х гг. ФОНА, негатив О. 1226/58

ческого статуса. Поэтому на родине ему был заказан путь к университетскому образованию. Чтобы получить профессиональную гуманитарную подготовку, молодому человеку пришлось покинуть военную службу и отправиться на чужбину. Достойны восхищения стойкость и упорство уволенного в запас офицера, благодаря которым он сумел обойти, казалось бы, непреодолимую преграду и, в конечном счете, получил возможность заниматься любимым делом.

Завершив, вероятно, осенью 1904 г. курс Высшей школы антропологии в Париже, оставшейся офицер работал в ней в течение зимы и, возможно, весны 1905 г. К этому времени русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 г., приобрела неблагоприятный для Российской империи характер. Русская армия понесла потери на Дальнем Востоке, и ей требовались подкрепления. Военнослужащих, прежде всего офицеров, возвращали на службу из запаса. Дошла очередь и до А.А. Миллера. 27 июня 1905 г.⁶ он был призван в армию и отправлен на прежнее место службы. 9 января 1906 г. его произвели в штабс-капитаны, но уже 30 марта 1906 г. он вновь уволился в запас⁷, чтобы всецело посвятить себя науке⁸. После демобилизации А.А. Миллер связал свою судьбу с ЭО РМ, вначале выполняя отдельные поручения музея (1906), затем являясь его внештатным сотрудником (1907–1908), а с 12 декабря 1908 г. – постоянным служащим музея⁹. Вплоть до начала

1920-х гг. область его научных интересов была преимущественно связана с этнографией и музееведением, а затем спектр изысканий исследователя сместился в сторону археологии.

Как организатор А.А. Миллер блестяще проявил себя еще на службе в императорской армии. Благодаря исполнению различных должностных обязанностей молодой офицер приобрел ценный управленческий опыт и успешно решал задачи, поставленные перед ним командованием части¹⁰. Мастерство администратора пригодилось ученому, когда он стал выезжать в этнографические экспедиции (1906–1913) для изучения культуры и быта донских калмыков, абхазов, черкесов, дагестанцев, крымских татар, цыган, караимов, белорусов и белорусских евреев. Во время полевых работ на Кавказе и прилегающих к нему территориях А.А. Миллер приобретал у населения предметы их традиционной материальной культуры для формирования новых или пополнения старых коллекций ЭО РМ¹¹.

Отдельного упоминания заслуживает научное предприятие ЭО РМ в Ванской области (Турецкая Армения), занятой в 1916 г. русскими войсками. В тяжелых условиях военного времени ученый выполнил поручение музея, организовав экспедицию, которая обследовала материальную культуру армян и курдов, издавна населявших многие районы тогдашней Турецкой империи¹².

Используя технические познания, полученные им в инженерном училище, А.А. Миллер реорганизовал в 1914–1916 гг. выставочное пространство ЭО РМ и оборудовал его манекенами¹³.

Административно-организаторский опыт А.А. Миллера, который он проявил во время своей девятилетней службы в РМ, его практицизм, а также исполнительность, свойственная бывшему офицеру, и умение добиваться поставленных целей были высоко оценены коллегами ученого. Благодаря этим качествам А.А. Миллер был избран ими 2 марта 1918 г. директором РМ в тяжелых условиях охватившей не только отдаленные уголки, но и столичные центры бывшей Российской империи разрухи и анархии, которые последовали за революционными событиями 1917 г.¹⁴. Как директор исследователь был включен в Российскую комиссию по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комиссариате просвещения Российской Советской Республики¹⁵. В конце декабря 1918 г. он также стал руководителем ЭО РМ¹⁶. В должности директора А.А. Миллер оставался до 16 мая 1921 г.¹⁷, а заведование ЭО сохранял до 28 декабря 1921 г.¹⁸. С этого времени

и вплоть до своего ареста в октябре 1933 г. он руководил Кавказским отделением ЭО РМ.

Работу этнографа ученый успешно совмещал с археологическими изысканиями преимущественно древних погребальных памятников на юге России, причем с 1907 г. он начал сотрудничать с ИАК. Однако свой первый полевой сезон он провел еще в 1902 г. в окрестностях Таганрога, когда, приехав на летние каникулы из Франции, обследовал здесь средневековые курганы¹⁹. Эти раскопки, длившиеся до 1906 г.²⁰, начались, вероятно, по заданию Подготовительного комитета, проводившего работы по организации XII Археологического съезда, который состоялся в Харькове с 15 по 27 августа 1902 г.²¹. Информация о том, что первый полевой сезон отставной офицер провел лишь в 1903 г., неточна²².

А.А. Миллер вскоре опубликовал суммарную характеристику древностей, обнаруженных им в ходе раскопок под Таганрогом, где наряду с захоронениями эпохи средневековья он выявил несколько погребений бронзового века, скифского, а также раннего сарматского времени²³. В настоящее время археологи датируют погребения, исследованные молодым ученым в 1902 г. вблизи Таганрога, X–XI вв.²⁴.

В 1907 г. А.А. Миллер обследовал грунтовый могильник неподалеку от Туапсе, у аула Агой, причем материалы раскопанных здесь 24 погребений, которые относятся к эпохе Великого переселения народов, были вскоре изданы²⁵.

В следующем году археолог приступил к изучению комплекса памятников, расположенных возле нынешней станицы Елизаветинской в Азовском районе Ростовской области. Речь идет о лежащем в дельте Дона Елизаветовском городище и о находящемся к югу от него курганном могильнике²⁶. Раскопки этих объектов были прерваны лишь начавшейся Первой мировой войной.

Исследуя отложения Елизаветовского поселения, А.А. Миллер впервые в своей полевой практике столкнулся с мощным культурным слоем, толщина которого на разных участках памятника варьировала от 1,45 м до 2,5 м²⁷. Такие напластования требуют тщательного изучения их стратиграфии.

В то время методика раскопок многослойных поселений еще не была отработана. Изучение культурного слоя Елизаветовского городища «...производилось путем снятия пластов земли, до 30 см толщиной...»²⁸. Разумеется, материал, полученный подобным методом, мог принадлежать различным строительным горизонтам, поэтому удаление культурного слоя такими мощными пластами нельзя признать удачным решением. Тем не менее, анализируя найденную

при исследовании поселения керамику, ученому удалось разделить культурный слой памятника на «два пласта, по 60 см толщины каждый», причем верхний слой характеризовался наличием фрагментов «красных греческих амфор», относящихся к IV–III вв. до н.э., а нижний – их отсутствием²⁹.

В ходе работ на городище А.А. Миллер пришел также к важнейшему заключению о необходимости снятия точного инструментального плана поселенческого памятника и его ближайших окрестностей перед началом их систематического исследования, поскольку раскопки частично разрушают и видоизменяют городище³⁰.

На Елизаветовском поселении не удалось выявить древнюю архитектуру, но, изучив обнаруженную здесь греческую и варварскую лепную керамику, аналогичную посуде, которая была найдена при исследовании близлежащего курганного могильника, А.А. Миллер предположил, что нашел руины древнегреческого города Танаиса³¹. Современные исследователи отвергли эту локализацию³². Ныне установлено, что с конца VI по конец IV в. до н.э. городище являлось скифским поселением. После того, как оно было заброшено, греки основали здесь колонию, просуществовавшую до 270-х гг. до н.э. Исходя из современной датировки памятника, нельзя не удивиться познаниям А.А. Миллера в области древнегреческой керамики, которые позволили ему, на заре исследования античных городищ России, верно определить дату одного из важнейших поселений железного века на юге России.

В 1908–1914 гг. исследователь изучал также расположенный неподалеку от Елизаветовского городища могильник, раскопав здесь 102 кургана³³. В некоторых погребениях памятника были найдены уникальные вещи: серебряный ритон с золотой обкладкой; короткий железный меч, рукоять и ножны которого также покрыты золотыми обкладками. Изображения птиц и рыб на ритоне, а также фигуры животных на обкладках меча выполнены в скифском зверином стиле³⁴.

В ходе полевых работ А.А. Миллер пришел к выводу о том, что «...лишь два способа достигнуть могилы представляется возможным: раскоп широкой ямой на большой площади и ведение мины, но с деревянными солидными крепями и обшивкой»³⁵. Ученый выбрал первый из них, который позволял лучше исследовать и насыпь кургана, и находящееся под ней захоронение, причем раскопки кургана начинались с восточной насыпи, которую «снимали пластами до уровня горизонта, где обыкновенно уже обна-

живались очертания могильной ямы»³⁶. В другой публикации археолог пишет, что «курганы расследовались широкими прямоугольными площадями с восточной насыпи или круглыми широкими колодцами с центра»³⁷. Хотя и при такой методике раскопок нельзя полностью изучить структуру насыпи, но все же получить представление о ее устройстве можно. Поэтому на двух опубликованных разрезах курганов (№ 1, раскопки 1908 г., и № 9, раскопки 1909 г.) схематично показана структура насыпи, которая демонстрирует читателю, что перед ним находится насыпное сооружение³⁸. Позднее исследователь уточнил, что постепенным снятием пластов раскапывались лишь маленькие курганы, изучение же больших курганов началось с их нивелировки: «Самая насыпь раскапывалась отвалами. Когда раскопка приближалась к центру и обнаруживалась могильная яма, то он углублялся непосредственно в могилу. Очищение предметов производилось специальным резаком, а не совком. Предметы вынимались из могилы только после непосредственного их изучения на месте и фотографирования»³⁹.

Методика, использованная А.А. Миллером, позволила ему не только выявлять структуру курганной насыпи, но и проследить песчаные валики вокруг расположенных под ней основных могильных ям, а также расширить остатки покрывавшей их дно толстой камышовой подстилки и обнаруживать ровики вокруг курганов⁴⁰. Вначале исследователь полагал, что керамика, найденная в курганных погребениях Елизаветовского могильника, относится к V–IV вв. до н.э.⁴¹, но потом он внес коррективы в эту датировку: IV–III вв. до н.э. (1911: 88), VI–I вв. до н.э.⁴².

В ходе раскопок могильника были обнаружены также курганы бронзового века⁴³, отличающиеся от более поздних надмогильных сооружений низкими насыпями из темного грунта, для которых характерны многократные подсыпки с большой примесью золы⁴⁴.

Говоря о дореволюционных работах А.А. Миллера, нельзя не упомянуть о его разведке на Черноморском побережье в 1909 г., по результатам которой ученый выделил различные погребальные памятники этого региона, начиная от дольменов бронзового века и заканчивая средневековыми подкурганскими захоронениями XIV–XV вв.⁴⁵.

И все же дореволюционным археологическим изысканиям А.А. Миллера не хватало масштаба, которая так характерна для его этнографических экспедиций того же времени, охвативших своими маршрутами многие регионы Кавказа. Разумеется, ученый осознавал

необходимость расширения работ по исследованию кавказских древностей, но, очевидно, недостаточность компетенции ИАК, ограниченность финансирования и нехватка квалифицированных специалистов не позволили ему тогда осуществить этот замысел.

Главный результат археологических раскопок, проведенных А.А. Миллером до 1917 г., заключался в освоении им методики исследования различных типов древних памятников. Статьи, опубликованные ученым в этот период, представляют собой, большей частью, краткие или развернутые полевые отчеты, в которых нет ни широких культурно-хронологических обобщений, ни теоретического осмысления возможностей археологических источников. Тем не менее, к этому времени у него сложились собственные оригинальные взгляды на задачи археологии.

А.А. Миллер изложил их, выступая 15 февраля 1919 г. на вечернем заседании гуманитарно-художественной секции Музейной конференции в Петрограде⁴⁶. В этом докладе содержится ряд положений, принципиально новых для отечественной науки о древностях.

Во-первых, ученый указал на широкое распространение взглядов о том, археология занимается исключительно «древними произведениями искусства»; преобладающие на памятниках старины находки древностей «бытового характера», которые «не заключают в себе черт произведений высокого стиля», не привлекают должного внимания специалистов. В настоящее время, продолжал он, в России нет научных школ, которые изучали бы массовые находки, основываясь «на известной дисциплине», поэтому наша страна представляет в этом отношении «явление большой отсталости». Между тем бытовые артефакты «представляют огромный интерес к собиранию их и изучению», так как позволяют «понять общую культуру и создать картину бывших времен».

Говоря об археологических источниках, исследователь отметил, что их следует изучать, используя комплексный анализ всех древних находок, обнаруженных на том или ином памятнике. Поэтому хранящийся в Эрмитаже археологический фонд, сформированный исключительно по признакам «высокого стиля», является собранием предметов искусства, то есть представляет собой редуцированный комплекс артефактов, на основании которых нельзя осуществлять полноценные научные исследования о культуре в целом. Подобный принцип формирования археологических коллекций необходимо отвергнуть.

Во-вторых, А.А. Миллер определил хронологические пределы изучения материальной культуры археологией. По его мнению, бытовые артефакты следует изучать «с древнейших времен, с того периода, когда появляется человек», причем «вопрос появления человека мы ставим себе по признакам археологическим»; так как нет другого критерия для решения проблемы становления человека. Таким образом, «вещественные памятники являются отражением» технической деятельности человека, который «овладел твердой материей, чтобы дать работу» своим рукам. Верхняя граница археологии как науки относится к тому времени, когда бытовые артефакты «наблюдаются нами в живой обстановке». Исследователь проводил четкую грань между археологическими и этнографическими источниками. Он подчеркивал, что археологические находки являются «связанными комплексами» лишь части исчезнувшей культуры, то есть той, которая смогла сохраниться, причем об артефактах нет никаких сведений, «кроме правильно поставленных археологических исследований». Этнографические изделия сохранились в «живой среде», «в обстановке живого быта», и о них известно, «как они употребляются». Методика собирания коллекций этнографами отлична от таковой у археологов.

В-третьих, А.А. Миллер полагал, что археологическая наука, базирующаяся на вещественных памятниках бытовой древности, должна изучать вариации форм вещей, каковые «изменяются, растут, имеют жизнь, дегенерируют, возрождаются в новую форму». Иногда этот процесс называется «эволюцией, иногда – вырождением». Выявление закономерностей вариаций форм предметов является первым достижением науки, «которая строится на материале бытовой археологии». При помощи сравнительного метода следует также устанавливать причины, лежащие в основе изменения форм «вещественной культуры быта древности». Нужно также определять значение, какое имеют «известные комплексы предметов для определенной культуры», поскольку «каждый предмет представляет собой известный историко-культурный факт», занимающий «место в картине вариаций форм». Придавая, таким образом, большое значение типологическому и сравнительному методам в археологии, а также изучению закрытых комплексов, исследователь полагал, что анализируемый подобным образом артефакт «откроет нам пустые места истории и дешифрует ее», причем «изучение этого материала нам даст новые течения для научной мысли».

В-четвертых, А.А. Миллер пришел к выводу о том, что «в сочетаемости форм заложены богатейшие данные, которые нужно дешифровать». По его мнению, не следует ограничиваться лишь технической стороной изучения артефактов, поскольку в «море вещественных бытовых памятников» возможно изучение «процесса распространения культуры, эмиграции известных этнических элементов. Самый процесс распространения культуры, ее усвоение в новых областях даст нам картину с богатейшими достижениями. Мы в состоянии будем понять характер усвоения новых культур, где они ложатся на старые. Этот процесс усвоения делается в процессе творчества».

Этот тезис А.А. Миллера, ставший результатом синтеза археологической и этнографической практик исследователя, свидетельствует о том, что он считал науку о древностях культурологической дисциплиной, предметом которой являлось изучение вопросов, имеющих отношение к происхождению, развитию и исчезновению древних культур. Таким образом, исследователя можно считать одним из сторонников трактовки археологии как науки, изучающей проблемы культурогенеза, тогда как большинство его коллег, являясь специалистами в области античной и средневековой археологии, мыслили ее как служебную по отношению к истории дисциплину.

В конце 1920-х гг. в Советском Союзе началась коренная перестройка всех общественных наук, в результате чего в них стал доминировать марксизм, главенствующая идея которого заключалась в том, что развитие любого общества определяется его экономической эволюцией (закон соответствия производительных сил и производственных отношений), сопровождающейся классовыми конфликтами (борьба за власть политиков, отстаивающих имущественные интересы различных социальных групп). В данной парадигме понятие «культура» отстает на второй, если не на третий план, поэтому отечественная археология на долгие годы посвятила себя изучению древних систем хозяйства, а также использованию социологических методов, с помощью которых на археологическом материале пытались исследовать формы брака и процессы имущественного и социального расслоения древнего населения. Науку о древностях в этот период считали служанкой истории.

Интерес к изучению культуры по данным археологии возрождается в Советском Союзе лишь в середине 1960-х гг., как результат постепенного отхода гуманитарных наук от жесткого соответствия догмам марксизма. Культурологическое направление в отечественной археологии

получило дальнейшее развитие в последней трети минувшего столетия. Оно и сегодня является одним из самых перспективных в русской науке⁴⁷, хотя попытки его дискредитации не прекращаются до сих пор⁴⁸.

В-пятых, А.А. Миллер указал, что исследование древностей требует применения естественных методов, которые в отечественную археологию еще не проникли. В связи с этим ее развитие происходит «ощупью» и не дает пока «никаких осязаемых результатов».

Обозначенное в февральском докладе 1919 г. стремление А.А. Миллера заниматься изучением древностей бытового характера дало основание многим исследователям причислять его к так называемой палеоэтнологической школе в археологии⁴⁹. Однако в то время к ведению палеоэтнологии относили артефакты, найденные в отложениях доисторической эпохи, в отличие от находок, относящихся к так называемым историческим культурам⁵⁰. Поэтому термин «палеоэтнология» являлся, в сущности, синонимом понятия «доисторическая археология» или «первобытная археология».

Взгляды, изложенные А.А. Миллером в данном докладе, требовали для своей реализации совершенно иной организации археологической науки, чем та, которая существовала при монархии. Первая попытка создания такого учреждения была предпринята в течение лета и осени 1918 г., когда ИАК была реорганизована в РГАК, действительным членом которой А.А. Миллера избрали 22 октября 1918 г.⁵¹.

Однако сам ученый полагал, что такой реформы недостаточно, и в упомянутом докладе он предложил создать научное учреждение в виде музея нового типа, так как «в деле создания музеев культурно-исторических, в археологическом секторе мы наиболее отстали. Этот вид музеев у нас почти не существует или существует в таком виде, который надлежит перестроить»⁵². По мысли А.А. Миллера, вновь создаваемый Археологический музей «должен быть технически оборудован, только при всей силе технической работы можно материал видеть, пользоваться им и изучать. Там должен находиться весь антропологический материал, а значит должен быть и специалист в этом направлении»⁵³. Устройство такого музея «было бы большим достижением научного характера, это была бы эпоха в области археологии, которая находится теперь чуть ли не в стадии собирательства»⁵⁴. Планируемый для хранения древностей музей замыслился как учреждение с «секторальными отделениями» (там же), в котором могли бы работать и специалисты естественных наук для всестороннего изучения найденных артефактов.

Музейный проект А.А. Миллера поддержали, выступив в прениях по докладу ученого С.А. Жебелёв, Н.Я. Марр и Б.В. Фармаковский⁵⁵, однако этому замыслу не суждено было осуществиться.

В апреле 1919 г. РГАК была заменена новым научным учреждением, получившим имя РАИМК. А.А. Миллер занял в ней должность заведующего первым (этнологическим) отделением, в составе которого был создан разряд палеоэтнологии также под руководством исследователя⁵⁶.

РАИМК, ставшая археологическим центром вначале Советской России, а затем и Советского Союза, к середине 1920-х гг. превратилась в уникальное гуманитарное учреждение, объединявшее археологов, востоковедов, искусствоведов, этнографов, а также специалистов в области эпиграфики, античной культуры, древнерусской истории и средневековой истории зарубежных стран⁵⁷. Кроме того при ней функционировал Институт археологической технологии, где соответствующие специалисты исследовали артефакты с помощью методов естественных наук⁵⁸. Таким образом, структура РАИМК отчасти соответствовала замыслу А.А. Миллера об учреждении в Петрограде нового полифункционального археологического учреждения. В стенах этой академии А.А. Миллер и приступил к осуществлению, вероятно, давно им вынашиваемого археологического экспедиционного проекта, после того как в 1921 г. лишился лидирующих позиций в РМ. Реализацию этой амбициозной исследовательской программы он намеревался начать в 1922 г. усилиями сформированной им в РАИМК Северокавказской экспедиции⁵⁹. Наметив план полевых работ по изучению древних памятников в предгорьях Северного Кавказа и прилегающих к нему степях, А.А. Миллер надеялся привлечь к финансированию раскопок Национальный музей естественной истории (США, Вашингтон), при условии участия сотрудников этого научного учреждения в полевых изысканиях Северокавказской экспедиции. Когда выяснилось, что американская сторона не может субсидировать исследования, старт проекта перенесли на 1923 г.⁶⁰

Весной 1923 г. Госплан РСФСР выделил весьма скромные средства для полевых работ экспедиции, поэтому ее руководитель смог провести летом лишь разведки в Донской, Кубанской и Терской областях (ныне территории Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, а также Республик Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии–Алании, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Чеченской). Отчет об исследованиях 1923 г.

был заслушан 20 ноября на заседании Разряда археологии Кавказа и яфетического мира РАИМК. А.А. Миллер рассказал о посещении им музеев в Краснодаре, Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге и Владикавказе, а также о поездке по Дигории (Северная Осетия), где ученый осмотрел осетинские могильные сооружения⁶¹.

В 1924–1925 гг. сотрудники экспедиции продолжили разведочные работы в Адыгее, Балкарии и по среднему течению реки Кубань. В эти же годы были начаты раскопки расположенного на правом берегу Дона вблизи станции Аксайской (Аксайский район Ростовской области) Кобякова городища, которое А.А. Миллер именовал «Кавказской Тройей»⁶². В ходе работ здесь были выявлены напластования позднего бронзового века, первых веков н.э. и средневековый слой XI в.⁶³. Ныне древнейшие отложения Кобякова городища исследователи датируют X в. до н.э. – началом VIII в. до н.э.⁶⁴.

В 1926–1928 гг. участники Северокавказской экспедиции ГАИМК⁶⁵, в состав которой в 1926 г. были включены аспиранты М.И. Артамонов и А.А. Иессен, а в 1928 г. – студенты-археологи ЛГУ Е.Ю. Кричевский, А.П. Круглов, Б.Б. Пиотровский и Г.В. Подгаецкий, наряду с раскопками Кобякова городища обследовали и другие археологические памятники, расположенные по берегам Дона, а также под Таганрогом, в Адыгее, Осетии и Кабардино-Балкарии (рис. 2). Кроме того в 1926 г. А.А. Миллер провел разведки и раскопки в Нахичеванской АССР у Кызылванка на средства Закавказской научной ассоциации. В 1929 г. работы Северокавказской экспедиции были сосредоточены под Нальчиком и Пятигорском, где ее сотрудники изучали курганы эпохи бронзы и обследовали средневековые поселения и городища. В районе Таганрога в 1929 г. были проведены разведки и спасательные раскопки древних городищ и могильников⁶⁶.

С 1928 по 1929 г. функционировала одна из первых в стране новостроечных экспедиций (Волгодонская), которую также возглавил А.А. Миллер. Перед ним была поставлена задача организовать археологические разведки на трассе строительства Волгодонского канала. Костяк экспедиции составили вышеупомянутые ученики А.А. Миллера⁶⁷.

По окончании полевого сезона 1929 г. отделения ГАИМК были реорганизованы. Всю археологическую тематику включили в Отделение исторических формаций, состоящее из пяти разрядов, причем А.А. Миллер был назначен главой Разряда раннеметаллических культур⁶⁸.

В 1930 г. Северокавказская экспедиция исследовала погребения бронзового века в районе Нальчика и одновременно занималась поисками

Рис. 2. Северокавказская экспедиция ГАИМК. 1928. Станица Аксайская (Аксайский район Ростовской области). Сидят в первом ряду слева направо: А.А. Миллер, А.П. Круглов, А.В. Мачинский, Е.Ю. Кричевский, Ливенсон; сидят во втором ряду слева направо: Б.Б. Пиотровский, А.С. Генералова, А.И. Артамонова, Т.Н. Книпович, Н. Татаринова, А.А. Иессен; стоят слева направо: Г.В. Подгаецкий, П.И. Борисовский, П.Н. Шульц, М.И. Артамонов (ФОНА, негатив II 76882)

поселений этого же времени в районе Пятигорска. В 1932 и 1933 гг. ее коллектив изучал археологические памятники в Кабардино-Балкарии, в частности, энеолитическое поселение Агубеково и поселение раннего бронзового века Долинское. Отряд экспедиции, возглавляемый А.А. Иессеном, в 1933 г. провел разведки в горных районах Северного Кавказа⁶⁹.

С 1930 г. А.А. Миллер возглавлял также Таманскую экспедицию ГАИМК, которая выявила в западной части Таманского полуострова свыше 60 городищ и поселений, относящихся к различным эпохам. На Таманском и Фанагорийском городищах были сделаны разрезы для изучения стратиграфии этих памятников. В 1931 г. экспедиция приступила к изучению верхних отложений Таманского городища, датирующихся эпохой средневековья. В этом же полевом сезоне исследовали расположенный вблизи Тамани могильник с захоронениями

античного и средневекового времени. В работах экспедиции помимо учеников А.А. Миллера принимали участие многие известные археологи: Г.В. Григорьев, А.Н. Карасев, Т.Н. Книпович, О.О. Крюгер, Е.И. Леви, А.П. Манцевич, А.М. Оранжева, В.И. Равдоникас, Н.И. Репников⁷⁰.

В октябре 1930 г. структура ГАИМК была вновь изменена. Вместо разрядов создали сектора, в том числе сектор архаических формаций, состоящий из двух подсекторов. Главой подсектора культур переходных к классовой структуре (земледельческо-скотоводческая стадия) был назначен А.А. Миллер⁷¹. В 1931 г. ввели деление секторов на группы. Архаический сектор насчитывал восемь групп, причем двумя из них (группа хозяйства эпохи бронзы и группа отдельных производств в эпоху бронзы) руководил А.А. Миллер⁷². В 1932 г. из названий секторов исчезает понятие «формация», вместо него

вводится термин «общество», а группы внутри секторов переименовывают в бригады. Сектору архаических формаций дали название Сектор доклассового общества, причем бригаду родового общества возглавил А.А. Миллер⁷³.

Оценивая археологические работы предвоенного времени в СССР, следует признать, что основные достижения в этой области связаны с полевыми изысканиями Северокавказской экспедиции, которую на протяжении 10 лет (1924–1933) возглавлял А.А. Миллер. Эта экспедиция явилась единственным масштабным проектом РАИМК/ГАИМК, благодаря которому были проведены не только стационарные раскопки, но и выявлены сотни новых археологических памятников на юге России. В результате работ А.А. Миллера была установлена культурная и хронологическая периодизация древностей южнорусских степей и предгорий Северного Кавказа от эпохи энеолита до средневековья.

В экспедициях ученого совершенствовались свое профессиональное мастерство такие известные в будущем археологи как М.И. Артамонов, А.А. Иессен и Б.Б. Пиотровский. Жизни других талантливых учеников А.А. Миллера оборвались во время Великой Отечественной войны. Одни из них погибли на фронте (С.Н. Аносов, А.П. Круглов, А.В. Мачинский), другие умерли в блокадном Ленинграде (Б.Е. Деген-Ковалевский, Е.Ю. Кричевский, Г.В. Подгаецкий). Формирование всех этих археологов происходило под сильнейшим влиянием личности их наставника. Таким образом, можно сказать, что благодаря своей энергии и целеустремленности, А.А. Миллер создал в ГАИМК археологический центр по изучению древних культур юга Европейской части СССР, традиции которого впоследствии развили те его ученики, которых уберегла судьба в тяжелейшие военные годы.

К сожалению, большая часть добытых Северокавказской экспедицией материалов осталась неизданной. Исследователь публиковал лишь небольшие отчеты о своих раскопках⁷⁴. О подлинных масштабах работ и научных целей экспедиционного коллектива свидетельствует лишь посвященная археологическим памятникам Кабардино-Балкарии коллективная монография, которая была издана уже после смерти А.А. Миллера⁷⁵.

Авторы этого труда, ученики А.А. Миллера (Б.Е. Деген-Ковалевский, А.А. Иессен, Е.Ю. Кричевский, А.П. Круглов, А.В. Мачинский, Б.Б. Пиотровский, Г.В. Подгаецкий), использовали комплексный подход при анализе древностей одного из кавказских регионов, где в течение ряда полевых сезонов они изучали памятники, относящиеся к различным археоло-

гическим эпохам. В результате таких систематических работ исследователям удалось установить периодизацию археологических культур Кабардино-Балкарии от эпохи энеолита до периода развитого средневековья. Статьи этого издания, в котором опубликованы итоги раскопок Агубековского и Долинского поселений, Нальчикского могильника и курганов вблизи Нальчика, сопровождаются великолепными иллюстрациями. Представленная на суд коллег монография, в которой археологические материалы рассматриваются в тесной связи с этнографическими и другими источниками, до сих пор сохраняет свое научное значение. В целом раскопки А.А. Миллера стали важнейшим рубежом в археологическом изучении Кавказа.

Исследователь был также авторитетным экспертом по методике раскопок. В течение ряда лет он являлся членом раскопной комиссии ГАИМК⁷⁶, затем – заместителем ее председателя⁷⁷ и, наконец, – ее председателем⁷⁸. В 1931 г. А.А. Миллер составил проект Временного положения о Комиссии ГАИМК по раскопкам и обследованиям, в соответствии с которым Комиссия должна была заслушивать доклады археологов по конкретным и общим вопросам методики с целью контроля должного уровня полевых работ той или иной экспедиции. Это положение сохраняет свою актуальность и для нынешних полевых комитетов⁷⁹. В том же году на одном из заседаний раскопной комиссии А.А. Миллер, опережая свое время, говорит о желательности принятия закона о том, «чтобы при всяком строительстве, раскопки должны производиться за счет последнего», а также о том, чтобы «в каждой обследовательской строительной партии участвовал археолог. Нужны кадры, нужно внедрение археологических знаний в массы»⁸⁰.

Некоторые представления ученого о методике полевых исследований были изложены им в книге, посвященной основным принципам проведения археологических разведок⁸¹.

А.А. Миллер отдавал много сил педагогической деятельности, обучая студентов и аспирантов высших учебных заведений Петрограда/Ленинграда. В июне 1918 г. его пригласили преподавать на кафедру методологии археологии Петроградского Археологического института, а в 1920 г. ученого избрали профессором этого образовательного учреждения по кафедре бытовой археологии⁸². В 1922 г. Археологический институт стал частью ПГУ, где А.А. Миллер исполнял обязанности профессора доисторической археологии на факультете общественных наук, а с 1925 г. – на факультете языкознания и материальной культуры (ямфак) ЛГУ, профес-

сором которого он был утвержден в 1927 г.⁸³. Должность профессора А.А. Миллер сохранил и после преобразования в 1929 г. ямфака в историко-лингвистический факультет ЛГУ, и после выделения последнего в 1930 г. в самостоятельный Ленинградский историко-лингвистический институт⁸⁴.

Двадцатипятилетняя научная деятельность А.А. Миллера в РМ и его пятнадцатилетняя работа в ГАИМК были прерваны 9 октября 1933 г. арестом ученого с предъявлением ему 15 октября обвинения в принадлежности к контрреволюционной организации российских и украинских националистов⁸⁵, которой советские органы государственной безопасности (ОГПУ) дали название «Российская Национальная Партия» (далее РНП).

По версии следствия РНП, возникшая в 1929 г., была связана с «государственными учреждениями» Германии, Италии и Чехословакии. Члены организации, великодержавные российские и украинские националисты, занимавшиеся вредительством и шпионажем, объединились на платформе расовой теории панславизма и ориентации на интервенцию фашистской Германии с целью свержения советской власти. Центр РНП находился в Ленинграде, а филиалы – в Москве, на Украине, Азовско-Черноморском крае и в Белоруссии. В Ленинграде было раскрыто 14 ячеек РНП, причем молодежной ячейкой партии руководил А.А. Миллер⁸⁶.

Некоторые исследователи полагают, что это дело явилось «одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции <...> Целью этой кампании было не столько уничтожение, сколько запугивание и унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей по сравнению с господствующими»⁸⁷. С этой трактовкой нельзя не согласиться, однако, она не дает ответа на вопрос, почему некоторым ленинградским фигурантам инкриминировали украинский национализм.

Причина такого странного обвинения кроется в особенностях национальной политики, которую советское государство проводило в 1920-х – начале 1930-х гг. В течение этого времени власти были привержены так называемой коренизации, суть которой заключалась в широком вовлечении в политическую жизнь страны нерусского населения путем выдвижения его на советскую и партийную работу, перевода производственной документации органов власти на национальные языки и удовлетворения культурных запросов людей⁸⁸.

Проведение этой политики на Украине, начавшееся в 1923 г., получило название укра-

инизации. И.В. Сталин использовал украинизацию, то есть национально ориентированных большевиков Украины, для борьбы со своими главными политическими противниками Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым. В свою очередь, украинские коммунисты, опираясь на поддержку генерального секретаря ВКП(б), стали проводить политику широкой самостоятельности своей республики⁸⁹.

Разгромив оппозицию, И.В. Сталин стал выстраивать взаимоотношения центра с национальными республиками в соответствии со своими представлениями, в которых места для коренизации уже не было. К этому времени сторонники украинизации стали распространять ее и на российские регионы, где проживало украинское население, например, на Кубань, в Воронежскую и Курскую губернии. В конечном счете, политика украинизации стала провоцировать рост антирусских и антисемитских настроений на Украине, и в конце 1932 г. в Москве приняли решение о ее сворачивании, которое сопровождалось чистками партийного и советского актива, арестами и тюремными заключениями сторонников украинизации⁹⁰.

На фоне кампании по деукраинизации, которая была инспирирована высшим политическим руководством страны, открытие весной 1933 г. выставки «Украинское село» в РМ было воспринято властями как вражеская вылазка. Выставка была немедленно закрыта, а ее организаторы, сотрудники ЭО РМ, были обвинены в нелояльности и подверглись репрессиям⁹¹. В круг подозреваемых наряду с другими сотрудниками РМ попал и А.А. Миллер (рис. 3).

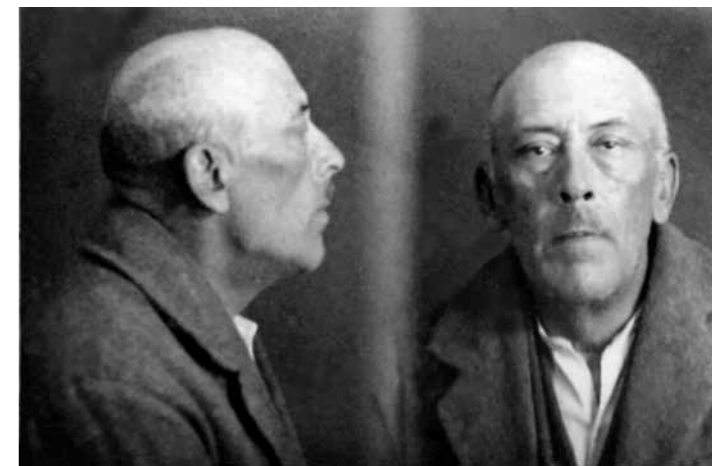

Рис. 3. А.А. Миллер. Начало октября 1933 г. Снимок из следственного дела (АУФСБ. Д. П30696. Т. II. Л. 512)

Обвинение строилось на показаниях, которые они давали против себя, находясь под сильным психологическим воздействием со стороны следователей ОГПУ. Никакими другими уликами органы государственной безопасности не располагали. На четырех допросах, состоявшихся 10 и 21 октября, а также 31 января и 12 марта 1934 г. А.А. Миллер дал показания против себя и других фигурантов этого дела⁹². Его вынудили подтвердить, что в РМ существовала контрреволюционная националистическая группировка фашистского толка⁹³.

Окончательное обвинение гласило, что А.А. Миллер был завербован в РНП профессором Б.Г. Крыжановским и входил в ячейку партии при ЭО РМ. Ученый показал, что он систематически выезжал, якобы по заданию центра РНП, на Северный Кавказ для сбора сведений о политических настроениях крестьянства национальных районов и для ведения фашистской агитации и пропаганды среди них; что он установил во время заграничных командировок личные связи в контрреволюционных целях с белоэмигрантскими деятелями и информировал последних о внутривосточном положении на Северном Кавказе; что он руководил молодежной ячейкой организации⁹⁴.

Таким образом, по результатам следствия А.А. Миллер признал себя полностью виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 (шпионаж в пользу иностранных государств и контрреволюционных организаций), ст. 58-10 (пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений а равно распространению или изготовлению, или хранению литературы того же содержания), ст. 58-11 (всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению государственных преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения государственных преступлений).

Заседание Коллегии ОГПУ по делу РНЦ, в том числе и по делу А.А. Миллера состоялось 29 марта 1934 г. Он был приговорен к пятилетнему заключению в исправительно-трудовом лагере,

которое было заменено ссылкой через полномочное представительство ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая его начало с 9/X 1933 г.⁹⁵.

Так завершилось пребывание ученого в Доме предварительного заключения, этом Дворе чудес, где его выезды в археологические экспедиции превратились в мероприятия по проведению контрреволюционной агитации и сбору информации для белоэмигрантских кругов, обеденные чаепития в Русском музее – в совещания заговорщиков, руководство аспирантами и студентами – в курирование молодежной ячейки антисоветской организации, а сам он из академического исследователя стал расистом и приверженцем германского фашизма, а из гражданина, лояльного советской власти, – стонником русской великодержавной диктатуры.

Приговор А.А. Миллеру был вынесен 29 марта 1934 г., а 12 января 1935 г., не дожив семи месяцев до своего шестидесятилетия, он скончался в Карагандинском исправительно-трудовом лагере (Казахстан) от паралича (порака) сердца, не выдержав физических, моральных и психологических нагрузок⁹⁶. До сих пор не ясно, каким образом ссыльный оказался в лагере. Вряд ли он стал заключенным, так как есть сведения о том, что о смерти А.А. Миллера сообщили его гражданской жене по телеграфу, что вряд ли могло иметь место в отношении лагерника⁹⁷.

Через 22 года после оглашения приговора с ученого были сняты все несправедливо возведенные на него обвинения. А.А. Миллер был посмертно реабилитирован определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 28 ноября 1956 г. за отсутствием состава преступления, о чем его жене в 1957 г. была выдана соответствующая справка⁹⁸.

Минул 81 год со дня безвременной смерти выдающегося ученого, исследователя этнографии и древностей Кавказа, мэтра, воспитавшего плеяду выдающихся отечественных археологов, человека широкого кругозора, блестящих знаний и трагической судьбы. В настоящее время без гнева и пристрастия можно сказать, что он по праву первопроходца занимает высокое место в отечественной гуманитарной науке.

Список сокращений

АГРМ – Архив ГРМ, СПб.
АН СССР – Академия наук СССР. М.
АСПБГУ – Архив СПбГУ, СПб.
АУФСБ – Архив УФСБ, СПб.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры, Л.
ГРМ – Государственный Русский музей, СПб.

д. – дело.
ед. хр. – единица хранения.
ЗИИМК – Записки ИИМК РАН, СПб.
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии ИРАО, СПб.
ИАК – Императорская Археологическая комиссия, СПб., Пг.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН, СПб.
ИРАО – Императорское Русское археологическое общество, СПб.
ИСПБУ – Императорский Санкт-Петербургский университет, СПб.
Л – Ленинград.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет, Л.
М – Москва.
об. – оборотная сторона.
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.
оп. – опись.
Пг – Петроград.
ПГУ – Петроградский государственный университет, Пг.
РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры, Пг., Л.
РАН – Российская Академия наук, М.

РАО – Русское антропологическое общество, СПб.
РГAK – Российская государственная археологическая комиссия, Пг.
РМ – Русский музей императора Александра III, СПб., Пг.
РОНА – Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН, СПб.
СПб – Санкт-Петербург.
СПБГУ – Санкт-Петербургский государственный университет, СПб.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
УФСБ – Управление федеральной службы безопасности России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, СПб.
ф. – фонд.
ФОНА – Фотографический отдел научного архива ИИМК РАН, СПб.
ч. – часть.
ЭО – Этнографический отдел РМ, СПб., Пг., Л.

¹ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. I. Л. 1–1 об., 14 об.; Ч. II. Л. 79; Оп. 6. Ед. хр. 882. Л. 76 об.; Корягин С.В. Миллеры. Материалы к истории и генеалогии донского дворянского рода (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 2. Ч. 1. – СПб.: ВИРД, 1999. – С. 41; РОНА. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 3; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. – С. 162.

² АГРМ (I). Оп. 6. Ед. хр. 882. Л. 76 об.; РОНА. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 3.

³ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 2; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. – С. 162.

⁴ Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 32; Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Т. 1 (гуманитарные науки). – С. 33.

⁵ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. (издатели). Энциклопедический словарь. – СПб.: Издательское общество Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон, 1894. – Т. 26. – С. 874, 875.

⁶ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. I. Л. 20 об.

⁷ Там же. – Л. 21 об.; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. – С. 162, 163.

⁸ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 2; РОНА. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 7.

⁹ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. I. Л. 24; Ч. II. Л. 2; Оп. 6. Ед. хр. 882. Л. 76, 76 об.; РОНА. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 2, 3 об., 6 об.

¹⁰ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. I. Л. 10.

¹¹ Там же. – Ч. II. Л. 1–4.

¹² Там же. – Оп. 1. Ед. хр. 677; Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930 гг.). – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. – С. 256, 257; Решетов А.М. Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музейевед // Интеграция археологических и этнографических исследований. Отв. ред.

Н.А. Томилов. – Омск, Нальчик: Изд-во Омского государственного педагогического университета, 2001. – С. 11.

¹³ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 3.

¹⁴ Там же. – Л. 1 об.; Оп. 6. Ед. хр. 41. Л. 12.

¹⁵ Там же. – Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 3 об.

¹⁶ Там же. – Л. 1 об.

¹⁷ Там же. – Оп. 6. Ед. хр. 194. Л. 39 об.; Ед. хр. 204. Л. 78, 78 об., 80, 85.

¹⁸ Там же. – Оп. 6. Ед. хр. 194 а. Л. 30 об.

¹⁹ Миллер А. Археологические изыскания в окрестностях Таганрога // Археологическая летопись Южной России. – 1903. – № 2; Он же. Раскопки в Таганрогском округе // Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г. – М.: Товарищество типографии А.И. Мальцева, 1905. – Т. 1; Miller A. Fouilles de Kourgans en Russie Méridionale // L'Homme Préhistorique. 1904. 2e année. N° 7. Méridionale.

²⁰ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 2.

²¹ Volkov Th., Miller A. Les fouilles récentes près du Taganrog et les Kamennyya baby // Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. 1903. Ve série. Vol. 4, N° 1. – P. 110.

²² Платонова Н.И. Александр Александрович Миллер – археолог // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект. Материалы постоянно действующей конференции «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект». Вып. 1. Отв. ред. А.С. Мильников, Ю.А. Петров; сост. Т.А. Шрадер. – СПб., 2002. – С. 157.

²³ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 2; Миллер А. Область Войска Донского // Известия ИАК. Прибавление к выпуску 21-му (хроника и библиография, вып. 11). – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1907; Он же. Раскопки курганов в окрестностях Таганрога в 1902–1906 гг. // ЗОРСА ИРАО. – 1909. – Т. VIII. – Вып. 2. Протоколы заседаний Отделения русской и славянской археологии ИРАО за 1907 г. Заседание 14 апреля, IV, СПб.

²⁴ Ларенок В.А. Средневековые комплексы из раскопок братьев Миллеров в начале XX в. (по материалам архива Таганрогского музея-заповедника) // Донская археология. – 1998. – № 1. – С. 77–81.

²⁵ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 2; Миллер А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия ИАК. – Вып. 33. – СПб.: Типография В.О.

- Киришбаума (отд.), 1909; Решетов А.М. Александр Александрович Миллер... – С. 9; Стеганцева В.Я., Рысин М.Б. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, под общей ред. чл.-корр. РАН Е.Н. Носова. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2009. – С. 686, 687.
- ²⁶ АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 2; Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // ИАК (1859–1917): К 150-летию со дня основания. – С. 392; Миллер А. Раскопки в районе древнего Танаиса // Известия ИАК. – Вып. 35. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1910; Он же. Археологические исследования в устье Дона // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. – М.: Типография общества распространения полезных книг. Преемник В.И. Воронов, 1911. – Т. 3; Он же. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. // Известия ИАК. – Вып. 56. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1914; Решетов А.М. Александр Александрович Миллер... – С. 9; Стеганцева В.Я., Рысин М.Б. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья. – С. 686.
- ²⁷ Миллер А. Раскопки в районе древнего Танаиса. – С. 121, 122; Раскопки А.А. Миллера в Донской области // Отчет ИАК за 1909 и 1910 гг. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913. – С. 141, 146.
- ²⁸ Миллер А. Раскопки в районе древнего Танаиса. – С. 122.
- ²⁹ Там же. – С. 121, 122; Он же. Археологические исследования в устье Дона. – С. 86.
- ³⁰ Он же. Технические приемы при раскопках на месте древнего Танаиса // Протоколы заседаний и отчеты РАО при ИСПбУ за 1909/10–1911/2 гг., изданные под редакцией секретаря общества С.И. Руденко. Заседание 13 октября 1911 г. – СПб.: Типография А.Г. Розена, 1912. – С. 44.
- ³¹ Он же. Раскопки в районе древнего Танаиса. – С. 124; Он же. Археологические исследования в устье Дона. – С. 88.
- ³² Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского. – С. 392.
- ³³ Миллер А. Раскопки в районе древнего Танаиса. – С. 86, 93–116; Он же. Археологические исследования в устье Дона. – С. 88; Он же. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г.; Раскопки А.А. Миллера в Донской области. – С. 142, 143; Раскопки А.А. Миллера в Области Войска Донского // Отчет ИАК за 1912 г. – Пг.: Типография Главного управления уделов, 1916. – С. 61; Раскопки А.А. Миллера в Донской области // Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 гг. – Пг.: Девятая Государственная типография, 1918.
- ³⁴ Миллер А. Раскопки в районе древнего Танаиса. – С. 86, 98–109, 112–116.
- ³⁵ Там же. – С. 91.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Раскопки А.А. Миллера в Донской области // Отчет ИАК за 1908 г. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1912. – С. 130.
- ³⁸ Миллер А. Раскопки в районе древнего Танаиса. – С. 94, рис. 3, 103, рис. 7.
- ³⁹ Он же. Технические приемы при раскопках на месте древнего Танаиса. – С. 44.
- ⁴⁰ Он же. Раскопки в районе древнего Танаиса в 1908–1911 гг. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – 1914. – Т. 24. М. – С. 303.
- ⁴¹ Он же. Раскопки в районе древнего Танаиса. – С. 110, 123, 124.
- ⁴² Он же. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. – С. 220, 221.
- ⁴³ Там же. – С. 220, 224, 225; Раскопки А.А. Миллера в Донской области // Отчет ИАК за 1909 и 1910 гг. – СПб., 1913. – С. 142, 143; Раскопки А.А. Миллера в Области Войска Донского // Отчет ИАК за 1912 г. – Пг., 1916. – С. 62.
- ⁴⁴ Миллер А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. – С. 221; Раскопки А.А. Миллера в Донской области // Отчет ИАК за 1909 и 1910 гг. – СПб., 1913. – С. 141, 142; Раскопки А.А. Миллера в Области Войска Донского // Отчет ИАК за 1911 г. – Пг.: Типография Главного управления уделов, 1914. – С. 47.
- ⁴⁵ Миллер А.А. О черкесских погребениях черноморского побережья // ЗОРСА ИРАО. – 1909. – Т. IX. – СПб. Протоколы заседаний Отделения русской и славянской археологии ИРАО за 1909 г. Заседание 3 октября, VI; Стеганцева В.Я., Рысин М.Б. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья. – С. 689.
- ⁴⁶ АГРМ (I). Оп. 6. Ед. хр. 132. Л. 1–12.
- ⁴⁷ Бочкарев В.С. Пульсационность очагов культурогенеза: культурологические парадигмы археологических исследований // Культурогенез и культурное наследие. Научн. ред. и сост. А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014 (Серия «Культурология. XX век»).
- ⁴⁸ Клейн Л.С. Культурогенез как понятие и концепция: скептические размышления // ЗИИМК. – 2015. – Вып. 11.
- ⁴⁹ Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 148–164.
- ⁵⁰ АГРМ (I). Оп. 1. Ед. хр. 551. Л. 1 об.
- ⁵¹ Алѣкшин В.А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественники в ИАК – РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК РАН. – 2007. – № 2. – С. 12, 13; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – С. 100; Белова Н.А., Мусин А.Е. Летопись Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. – С. 1126, 1127.
- ⁵² АГРМ (I). Оп. 6. Ед. хр. 132. Л. 2.
- ⁵³ Там же. – Л. 6.
- ⁵⁴ Там же. – Л. 7.
- ⁵⁵ Там же. – Л. 7–9.
- ⁵⁶ Там же. – Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 472. Л. 8, 9; РОНА. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 2, 3 об., 6 об., 7 об.; Оп. 5. Ед. хр. 213. Л. 2 об.
- ⁵⁷ Алѣкшин В.А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 19, 20; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 106, 107.
- ⁵⁸ Зайцева Г.И. Радиоуглеродная группа ИИМК РАН: история создания, современное состояние // ЗИИМК РАН. – 2007. – № 2. – С. 93, 94; Она же Глава 8. Лаборатория археологической технологии и ее радиоуглеродная группа: история создания, современное состояние // Академическая археология на берегах Невы. – С. 261.
- ⁵⁹ Послереволюционные исследования А.А. Миллера в области этнографии в данной статье не рассматриваются.
- ⁶⁰ Алѣкшин В.А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 17; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 105.
- ⁶¹ Он же. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 17, 18; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 105.
- ⁶² Он же. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 18; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 105; Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока. – С. 248, примеч. 352.
- ⁶³ Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северокавказской экспедиции // Известия ГАИМК. – Вып. 131. – Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 108, 109; Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. – 1926. – Т. 1. – С. 113–142.
- ⁶⁴ Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // Свод археологических источников. – Вып. В1–11. – Л.: Наука, 1980. – С. 5, 6, 9, 10, 69, 70.
- ⁶⁵ В начале 1926 г. РАИМК была переименована в ГАИМК.
- ⁶⁶ Алѣкшин В.А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 22; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 108, 109.
- ⁶⁷ Он же. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 22; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 109.
- ⁶⁸ Он же. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 25; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 111; Бобровская Е.В., Алѣкшин В.А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛО ИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы. – С. 368.
- ⁶⁹ Алѣкшин В.А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 37; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 122.
- ⁷⁰ Он же. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 37, 38; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 122.
- ⁷¹ Он же. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 26, 27; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 113; Бобровская Е.В., Алѣкшин В.А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛО ИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы. – С. 368.
- ⁷² Алѣкшин В.А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 27; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 113; Бобровская Е.В., Алѣкшин В.А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛО ИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН. – С. 368.
- ⁷³ Алѣкшин В.А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН... – С. 27; Он же. Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. – С. 113; Бобровская Е.В., Алѣкшин В.А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛО ИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН. – С. 368.
- ⁷⁴ Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. // Известия РАИМК. – 1925. – Вып. 4; Он же. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг.; Он же. Северо-Кавказская экспедиция // Сообщения ГАИМК. – 1926. – Т. 1; Он же. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1926–1927 гг. // Сообщения ГАИМК. – 1929. – Т. 2; Он же. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. – 1932. – № 9–10; Он же. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 1–2.
- ⁷⁵ Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Под ред. М.И. Артамонова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 3).
- ⁷⁶ РОНА. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 2.
- ⁷⁷ Там же. – Ф. 2, 1930. Ед. хр. 52. Л. 15.
- ⁷⁸ Там же. – Ф. 2. Оп. 6. Ед. хр. 60. Л. 241.
- ⁷⁹ Там же. – Ф. 2, 1931. Ед. хр. 52. Л. 40.
- ⁸⁰ Там же. – Л. 29 об.
- ⁸¹ Миллер А.А. Археологические разведки // Известия ГАИМК. – 1934. – Вып. 83. – Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934.
- ⁸² АГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 298. Ч. II. Л. 3 об.; Ч. III. Л. 5.
- ⁸³ АСПБГУ. Ф. 1. Ед. хр. 628. Л. 764, 765; РОНА. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 3 об.; Оп. 5. Ед. хр. 213. Л. 3, 3 об.
- ⁸⁴ АГРМ (I). Оп. 6. Ед. хр. 882. Л. 76, 76 об.
- ⁸⁵ АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 509, 512 об.
- ⁸⁶ Там же. – Т. I. Л. 340, 341.
- ⁸⁷ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е гг. / Отв. ред. Н.И. Толстой. Институт мировой литературы им. Горького РАН. – М.: Наследие, 1994. – С. 3.
- ⁸⁸ Khlynina T.P., Vasilev I.Yu. Ukrainization: Between Big Time Politics and Current Objectives of Soviet Construction // European Researcher. – 2011. – № 6 (9). – С. 964.
- ⁸⁹ Там же. – С. 965.
- ⁹⁰ Там же. – С. 964, 967, 968.
- ⁹¹ АГРМ (I). Оп. 6. Ед. хр. 982. Л. 10; АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 523, 552–553, 556А, 558Б.
- ⁹² АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 515, 515 об., 522, 523, 533–537, 540, 543, 552–555.
- ⁹³ Там же. – Л. 522.
- ⁹⁴ Там же. – Т. III. Л. 245, 246.
- ⁹⁵ Там же. – Т. I. Л. 328.
- ⁹⁶ Там же. – Т. VI. Л. 607.
- ⁹⁷ Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока. – С. 251.
- ⁹⁸ АУФСБ. Д. П 30696. Т. VI. Л. 417, 425, 607.